

О.В. АТРОШЕНКО
(Екатеринбург)

СИМВОЛИКА КРЕСТОПОКЛОННОЙ НЕДЕЛИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ*

Характеризуются представления о четвертой неделе Великого поста, закрепленные в вербальном, текстовом и предметно-акциональном кодах русской народной культуры. Отмечается взаимовлияние языка, фольклора и обычаев: в результате переосмысления названия Крестопоклонная / Середокрестная неделя возникают поверья, запреты; под воздействием фольклора лексические факты приобретают новую мотивацию.

Ключевые слова: вербальный код, мотивация, народная культура, предметно-акциональный код, семантика, народный календарь, этнолингвистика.

В русской языковой традиции *Крестопоклонной неделей* принято называть четвертую неделю Великого поста. Памятниками русской письменности данное наименование фиксируется с XVI в. [17. Т. 1, с. 1346; 16. Т. 8, с. 47]. Очевидно, что оно пришло в русский язык из древнерусских церковных месяцесловов, которые, как правило, включались в богослужебные книги и Евангелия. Словарь русского языка XI – XVII вв., помимо лексемы *Крестопоклонная*, отмечает еще ряд названий четвертой великопостной недели: *Середокрестная* (с XII в.) [17. Т. 3., ч. 1, с. 338], *Крестная* (с XV в.) (Там же. Т. 1, ч. 2, с. 1350) и др. Их исходное значение в древнерусском языке – ‘третье воскресенье Великого поста’ (Там же. Т. 1, ч. 2, с. 1346). Поскольку в православном календаре отсчет недели (седмицы) ведется с воскресенья, четвертая неделя Великого поста

в церковной традиции получает название по ее первому дню (воскресенью, именуемому *Крестопоклонной неделей*).

Показательно, что названия четвертой великопостной недели не находят отражения в толковых словарях современного русского языка (словари русского языка XVIII – XIX вв. включают такие номинации, как *Крестопоклонная* и *Средокрестная неделя* [12. Т. 3, с. 623 и др.]). Возможно, это связано с тем, что в советской и отчасти постсоветской культурной памяти сохраняются представления лишь о крупных церковных праздниках (Пасха, Крещение, Рождество и т.д.). Именно их наименования фиксируются современными толковыми словарями. Народная культура, в отличие от советско-постсоветской, различает как значительные, так и менее значительные церковные праздники, наделяя их при этом особой символикой [9; 18 и др.]. В основу наименований четвертой великопостной недели, а также открывающего ее воскресенья лег православный обычай выносить из алтаря на середину церкви Животворящий крест. Крест как объект поклонения оставался там с третьего воскресенья до четвертой пятницы Великого поста [11. Т. 2, с. 663 – 664]. Это время выбрано не случайно. Дело в том, что четвертая неделя – срединная неделя Великого поста. Вынос креста на *середину* церкви в «перелом» поста символизирует для верующих трудный и ответственный этап – половину пройденного пути к духовному очищению. Напоминая постящимся о крестных страданиях Христа, обычай укрепляет их в дальнейшем постовании, призывает к покаянию и вселяет надежду на воскресение.

Когда церковный календарь наложился на народный, православные календарные обычаи и праздники в честь библейских событий получили новое осмысление. Так, середина Великого поста, равная неделе, в народном сознании сжимается до временной точки – дня. В русских народных говорах существуют наименования, которые выделяют среду на Крестопоклонной неделе как точку «перелома» поста: *костром.* Крестовая среда [8], *кубан.* Полукрестье [15. Т. 29, с. 151], *смолен.* Середопобстье [15. Т. 37, с. 207], *русск. диалект.*

* Публикация подготовлена по госконтракту П 736 от 12.08.2009 г. на проведение НИР в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг., а также программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Русские ономастические словари как источник культурно-исторической информации»).

Средокрёстье [4, с. 113; 2, с. 120 и др.]. Внимание носителей языка к среде как к середине поста отмечается уже в древнерусский период: *Средокрестие* (с XIII в.), *Средокрестная среда*, *Средопостье* (с XIV в.) [16. Т. 27, с. 141]. Большинство рассмотренных номинаций отражает одновременно идею срединности Крестопоклонной недели/среды и мотив **поклонения** кресту (*Средокрестье*, *Средокрестная неделя*, *Полукрёстье*). Отметим, что в народном сознании связь середины Великого поста с поклонением кресту может подменяться воспоминанием о Христовых муках на кресте: ср. *нижегор.* **Христорхресье** 'среда Крестопоклонной недели' [5, с. 87].

В связи со срединным положением Крестопоклонной недели/среды любопытно рассмотреть семантику слова *крест* в русской традиции. Словарь русских народных говоров, наряду с прочими значениями, фиксирует следующее: *крест* 'перекресток' (псков.); *кресті, мн.* 'перекресток дорог в середине села' (костром.) [15. Т. 15, с. 225]. В этом значении важна сема 'граница', которая может конкретизироваться: *крест* – граница и середина чего-либо (ср. *карельск.* **середикрёстная** дорога 'дорога, пересекающаяся с основной' [14. Т. 6, с. 67]). В народной культуре данная семантика подтверждается святочными гаданиями *на крестах*. Так, номинации *Крестопоклонная/Средокрестная неделя*, *Средокрестье* связаны не только с христианской, но и с народной символикой креста.

Мотив пограничности Крестопоклонной недели может быть отражен в названии тремя способами: 1) подчеркивается срединное положение временного отрезка в рамках Великого поста (*смолен.* **Средопостье** 'среда на Крестопоклонной неделе' [15. Т. 37, с. 207], *курск.* **Середеньё** 'Крестопоклонная неделя' [6]); 2) акцентируется длительность прошедшего и предстоящего постного периодов (ср. *костром.* **Половина говина** [8], *нижегор.* **Половинница** [6] 'Крестопоклонная неделя'); 3) при помощи метафоры перелома выражается переходность временного отрезка (*арханг.* **Перелом говенья** [15. Т. 26, с. 148], *нижегор.* **Переломная неделя** [5, с. 89]). При этом в названии может подчеркиваться уже совершившийся переход за середину поста: *алтайск.* **Средоносие** 'среда Крестопоклонной недели' (*А в Средоносие...пост уж за середину перевалит* [13. Т. 4, с. 117]). Здесь, вероятно, произошла контаминация слов *Средопостие* и *пе-*

реносить. Важность для народа идеи перевала за середину поста подтверждается обычаем в ночь на четверг Крестопоклонной недели «подслушивать переход поста». Треск в углу избы означал, что пост перешел свою середину [11, т. 5].

Метафора перелома подкрепляется «буквализацией» образа перелома поста в среду на Крестопоклонной неделе: ср. *онежск., костром.* выражение «говенье переломится» 'о середине Великого поста' [15. Т. 6, с. 253]; «Со среды на четверг в середине Великого поста пост ломается пополам. В это верили, но никто не слышал этого перелома» (*тамбов.*) [4, с. 113]. Пост представляется как нечто вещественное, при переломе способное издать звук. Перелом говенья обыгрывается в фольклоре: «Половина говенья переломилась, Под гору покати́лась» (*костром.*) [8]; «Тетушка Ненила Говеньице ломила...» (*нижегор.*) [3]. Представления о переломе Великого поста породили некоторые обрядовые действия в ночь на четверг Крестопоклонной недели. Так, в Архангельской и Костромской областях дети ставили во дворе корзины, ожидая падения лакомств после разлома говенья [15. Т. 6, с. 253]. В Нижегородской области известен обычай в середине Великого поста «ломать говенье»: девушек прикрывали корзинами и обливали водой [5, с. 90]. На севере России молодежь обманывала какого-либо подростка, говоря ему: «Сядь под кузов, услышишь, как говенье переломится». Если он верил, его обливали водой [10. Т. 2, с. 188]. Такие действия носили игровой характер. За незнание правил игры следовало шуточное наказание – обливание водой, имитирующее крещение (в результате переосмысления внутренней формы названий *Средокрестная неделя*, *Средокрестье* могло произойти символическое сближение середины Великого поста с праздником Крещение – *крест* и *крестить*). Возможно, это действие отражено в нижегородской номинации *Водокрёсная неделя* 'Крестопоклонная неделя' [7, с. 229].

Сходным образом наказывали тех, кто не успел выткаться до Пасхи: «Надо выткаться до Пасхи, потом другая работа будет; После Пасхи узнают, что ты последние кросна ткешь, зайдут и обольют тебя» (*прикам.*) [18, с. 278]. Использование воды в таких обычаях, по-видимому, объясняется ее очистительной символикой (купание в проруби на Крещение, освящение воды и обливание ею в Пре-

половение). Обращение к воде в народной культуре приурочивается к переходному, нечистому времени: Святки – граница между старым и новым годом, Преполовение – середина времени между Пасхой и Троицей (ср. южнославянское представление о Крестопоклонной неделе как об опасном празднике, с которым связаны запреты на работу [11, т. 5]). В то же время церковные действия с водой в народной культуре приобретают новые смыслы (святая вода – для защиты от нечистой силы, от сглаза и др.). Среда на Крестопоклонной неделе, в отличие от Крещения и Преполовения, не связана с церковным водосвятием. Будучи пограничной, она «притягивает» к себе обливание водой, которое, по поверью, может влиять на погоду в Пасху: на Крестную бабы поют, а их обливают водой, чтобы к Пасхе был дождь (*поволж.*) [11, т. 5]. В этом случае актуализируется продуцирующая символика воды.

Крестопоклонная неделя, выпадающая на начало весны, в народном сознании открывает новое для природы время. Именно поэтому с ней связаны погодные и урожайные приметы: «Средокрестная... шука хвостом лед разбивает» (*северн.*) [10. Т. 3, с. 338]; «На Средокрестье снег, тепло – грибы и ягоды уродятся, дует холодный северный ветер – ничего не вырастет» (*вятск.*) [2, с. 120]. Мотивы поклонения кресту и пограничности Крестопоклонной недели присутствуют не только в языковых фактах, обозначающих середину Великого поста, но и в предметно-акциональном коде народной культуры. К примеру, известен русский обычай в среду великопостной недели выпекать постный хлеб в форме крестов. Такая выпечка получила название *кресты*, *крестики*: «На Крестовой неделе в Половину говина (в среду. – *О.А.*) кресты пекли» (*костром.*) [8]; «В Крестовую неделю дети ходили кресты собирали» (*нижегор.*) [3]. В основе таких названий лежит признак не только формы хлеба, но и времени его выпекания. При этом в народном сознании Крестопоклонная неделя может соотноситься не с поклонением кресту, а с его охранительной символикой.

Время изготовления выпечки и охранительная символика ее формы (крест) провоцируют возникновение различных магических практик. Так, *кресты* служат оберегом для скота на предстоящий летний сезон: «На Егорьев день корове давали крест, испеченный на Переломе (в середину Великого по-

ста. – *О.А.*), для того, чтобы корова была здоровой» (*тамбов.*) [4, с. 89]. Хлеб в виде крестов гарантирует хороший урожай: «Средокрестие – половина поста, пекут кресты, чтоб урожай был хороший, хлеб не переводился» (*тамбов.*) (Там же, с. 106). Поскольку *кресты* выпекались в переходный период (в начале весны), им приписывали влияние на сельское хозяйство: *Средокрестное печенье хранили до первого весеннего выезда в поле, с ними начинали засеивать свои поля и огороды* [9, с. 453]. Значимость *Средокрестной недели* для земледельца подтверждается выпеканием «средокрестного» печеня в виде сохи, косы, бороны (Там же).

Русский народный календарь содержит примеры «медицинской этимологической» магии с крестами: «Середопостье: кресты пекут и едят по углам, чтоб середина (поясница. – *О.А.*) не болела, як жнут» (*смолен.*) [15. Т. 37, с. 207]. Лечение поясницы («середины» человека) приурочивается к середине Великого поста и к срединному времени года (весне). В «оздоровительных» и «охранительных» целях для каждого члена семьи выпекали свой крест. По начинке креста гадали: «Стряпуха закладывала в один ржаное зерно, чтоб хлеб уродился. Кому попадался такой крест, считался счастливым» (*тамбов.*) [4, с. 61]. Русский фольклор может давать антропоморфный образ крестов: «Кресты-пророки шли по дороге, ели маленькие такие крестики, их все пекли; Кресты-пророки побежали по дороге, увидели Христа, заиграли в три листа» (*костром.*) [8]. Возможно, персонификация крестов – «участников» бытовой магии – соотносится с представлением о них как о Христовых «вестниках».

Интересно, что в русской языковой традиции существуют названия среды Крестопоклонной недели, производные, по-видимому, от наименований «средокрестной» выпечки: *костром.*, *тамбов.* Кресты, *костром.* Кресты-Богомолы: *В Кресты пекли хлебные кресты; В этот день Кресты-Богомолы, пройдет половина поста* [8]. Мотивационная модель «название обрядовой выпечки > название дня ее изготовления» продуктивна в русском языке: ср. *костром.* жаворонки [15. Т. 9, с. 55], *арханг.* тетерки [1. Т. 11, с. 32] ‘обрядовая выпечка, приготавливаемая 9/22 марта’ и *тамбов.*, *саратов.* Жаворонки [15. Т. 9, с. 55], *арханг.* Тетерочный день [1. Т. 11, с. 32] в значении ‘день 9/22 марта’.

Как уже отмечалось, помимо среды Крестопоклонной недели в русской лингвокультуре маркируется третье воскресенье Великого поста, что обусловлено церковным отсчетом недели с воскресенья. Любопытно, что в русских говорах выделяется и конец Крестопоклонной недели, четвертое великопостное воскресенье: ср. *костром.*, *орлов.* Крестово воскресенье [15. Т. 15, с. 233]. Так, в русской народной культуре наряду с церковной традицией представлена собственная система недельного отсчета: начало – понедельник, конец – воскресенье. Костромской обычай обхода дворов в четвертое великопостное воскресенье знаменует собой проводы Крестопоклонной недели: *В Крестовой воскресенья пекли кресты, пели: «...По-давайте крест, подавайте другой»* [8]. Этот обряд вписывается в систему колядок, характерных для длительных «переломных» праздников (Святки, Масленица), с которыми принято «прощаться».

Таким образом, символика четвертой недели Великого поста в русской лингвокультуре, с одной стороны, связана с усвоением религиозного содержания (поклонение кресту), с другой – с мифологизацией ее срединного положения и мотивационной переработкой основного наименования (*Крестопоклонная неделя*). В результате переосмысления в русских народных говорах возникают такие номинации, как *Средокрестная*, *Переломная*, *Христорохсье*. Как следствие, можно рассматривать и выделение при помощи языковых фактов самой точки «перелома говенья», появление различных поверий и обычаев. Говоря о Крестопоклонной неделе, обратим внимание на активное взаимодействие обрядового и вербального кодов культуры. Так, название *Крестопоклонная неделя* порождает обычай выпекания крестов, который, в свою очередь, мотивирует номинации четвертой среды Великого поста (*Кресты*, *Кресты-Богомолы*).

Литература

1. Архангельский областной словарь. М. : Изд-во МГУ, 1980 – 2010. Вып. 1 – 13.
2. Вылегжанин А. Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.
3. Гусарова Т.В. Средокрестье. Обряд четвертой недели Великого поста. URL : <http://opentextnn.ru>.
4. Дубровина Ю. Народное православие на Тамбовщине. Опыт этнолингвистического словаря. Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001.

5. Календарные обряды 1983 – 1996 гг. Новые поступления в фольклорный архив Нижегородского ун-та / сост. К.Е. Корепова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород, 1997.

6. Картоoteca Лексического атласа русских народных говоров (Ин-т лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

7. Корепова К.Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб. : Тропа Троянова, 2009.

8. Лексическая картоoteca Топонимической экспедиции УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

9. Некрылова А.Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М. : Правда, 1989.

10. Обзор русского народного быта Северного края / собрал А.Е. Бурцев. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. 2 – 3.

11. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1995 – 2009. Т. 5. Рукопись.

12. Словарь Академии Российской 1789 – 1794 : в 6 т. М. : Моск. гуманитар. ин-т Е.Р. Дашковой, 2001 – 2006.

13. Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993 – 1998.

14. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994 – 2005. Т. 1 – 6.

15. Словарь русских народных говоров. М. – Л. : Наука, 1965 – 2010. Вып. 1 – 43.

16. Словарь русского языка XI – XVII вв. М. : Наука, 1975 – 2008. Вып. 1 – 28.

17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам XI – XIV вв. : в 3 т., стереотип. изд. СПб., 1893 – 1912. М., 1958.

18. Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. II. Зима. Пермь : Пушкина, 2008.

Symbols of the Cross-worshipping week in the Russian cultural linguistic tradition

There is characterized the notion of the forth week of the Lent fixed in the verbal, text and subject action codes of the Russian folk culture. There is marked out the two-way influence of the language, folklore and customs: as a result of the review of the name Cross-worshipping / Midcross week superstitions and forbids appear; under the influence of the folklore lexical facts acquire new motivation.

Key words: *verbal code, motivation, folk culture, subject action code, semantics, folk calendar, ethno-linguistics.*